А.А.Пичхадзе
Институт русского языка им. В.В.Виноградова
Российской академии наук

О порядке слов в истории русского языка

порядок слов, актуальное членение, просодия

История порядка слов – плохо изученная область русского синтаксиса. Довольно пристально изучался лишь период Нового времени [Ковтунова 1969], а исследования по древнерусскому периоду стали появляться лишь в последние годы [Живов 2017: 465-603; Minlos 2012 и др.; Пичхадзе 2011; Макеева 2018]. Между тем многие закономерности, действующие в сфере словопорядка, сформировались уже в древнерусской письменности и остаются неизменными и по сей день. Некоторые из них хорошо изучены, другие – гораздо хуже, и можно предположить, что есть и такие, которые еще предстоит обнаружить.

1. **Актуальное членение**, безусловно, – главный фактор, определяющий словопорядок в русском языке; в древнерусском ему принадлежала та же приоритетная роль, что и в современном языке: тема располагалась перед ремой, рема тяготела к концу предложения.

2. Другой важный фактор, действие которого прослеживается с глубокой древности, – это **просодический фактор**. В работах А.А.Зализняка (в частности [Зализняк 2008]) было подробно описано, как – в соответствии с законом Вакернагеля – располагались во фразе энклитики в древнерусском языке и как словоформы с полноценным ударным статусом могли переходить в разряд энклитик. Постепенно многие энклитики в истории русского языка утрачивались, однако некоторые сохранились до сих пор (частицы *ли* и *же*); наряду с ними возникли и, возможно, продолжают возникать новые. Так, стала энклитикой частица *было*, обозначающая незавершенное действие (*он было пошел, но сразу вернулся*) [Сичинава] и располагающаяся после первого ударного слова во фразе. Такую же позицию занимает частица *де* и другие слова, вводящие чужую речь (ср. аллегровую форму *грит* ‘говорит’, употребляемую в этой позиции) и не несущие на себе ударения.

Как и во многих других языках, в истории русского языка ослабленный просодический статус имели личные местоимения и местоимение 3 лица *и* ‘он’. Их краткие формы были энклитиками; однако даже их полные формы имели ослабленный просодический статус. В древнерусских текстах уже проявляется тенденция, ставшая закономерностью в современном русском языке: в группе «личная глагольная форма – прямое дополнение – адресатное дополнение» то из двух дополнений, которое

выражено местоимением, предшествует дополнению, выраженному существительным, если только оно не участвует в контрастном противопоставлении: *дал ему /ей книгу – послал его /её брату* [Рогова 1962: 47].

Пока не изучена роль отрицания в ослаблении просодического статуса слов, выполняющих грамматическую функцию, – связки и вспомогательных глаголов. Между тем в современном русском языке, по крайней мере в письменном регистре, в предложениях с двойным отрицанием сентенциальное отрицание располагается перед связкой составного сказуемого (*он никому не был известен*) или же перед знаменательной частью, но обычно в контекстах второго типа связка оказывается в Вакернагелевской (энклитической) позиции (*он был никому не известен*) – иначе порядок слов выглядит по меньшей мере не нейтральным (?*он никому был не известен*).

Это явление, видимо, связано с поведением вспомогательного глагола при отрицании в древнерусском плюсквамперфекте. В аналитических претеритах – перфекте и плюсквамперфекте – сентенциальное отрицание стояло перед знаменательной частью глагольной формы, то есть перед *л*-причастием. При этом вспомогательный глагол вел себя как энклитика – причем не только в перфекте, содержащем презентные формы глагола *быть*, которые энклитизировались и в составе составного сказуемого, но и в плюсквамперфекте, содержащем формы имперфекта глагола *быть*, которые сами по себе, в отсутствие отрицания, никогда не выступали в роли энклитик (*бяше*, *бяху* и т.п.)

3. Известно, что **охарактеризованность по признаку определенности / неопределенности** сказывается на позиции аргумента, ср.: *дай мальчику яблоко* vs. *дай яблоко мальчику* – в группе из двух дополнений на первое место выходит то, которое маркировано по признаку определенности.

И в древнерусском, и в современном русском языке неопределенное индивидуализированное дополнение крайне редко встречается в препозиции. В летописях, например, зафиксирован единственный контекст: *взѧша товара бе-щисла. і полона. а моужа добра застрѣлиша с города* ‘захватили бесчисленное множество обозов и пленных, а [одного] почтенного человека застрелили со стены’ Новгородская I летопись 139. В современном языке в нейтральном книжном дискурсе неопределенное индивидуализированное дополнение может стоять в препозиции, только если неопределенность выражена лексически: «одного воина, одного человека» и т.п.

4. При описании порядка слов необходимо учитывать **отличия свободных сочетаний от связанных**. Исследователи отмечают, что во фразеологических сочетаниях, формулах, разного рода клише, цитатах

(в частности библейских) застывает порядок слов, иногда вовсе не характерный для свободных сочетаний. Кроме того, в сочетаниях непредметных субстантивов с глаголами, имеющими значение ‘делать’, ‘иметь’, ‘давать’, ‘брать’ и обозначающими действие по соответствующему имени, в сочетаниях типа figura etymologica и сочетаниях глаголов речи и звукоизвлечения с субстантивами, обозначающими ‘слово’, ‘речь’, в церковнославянских памятниках прямое дополнение помещается перед глаголом – при том, что в церковнославянской книжности в целом преобладает постпозиция прямого дополнения. По-видимому, это отражение архаичной ситуации, распространенной в разных языках мира: нереферентные, неопределенные, неиндивидуализированные объекты помещаются перед глаголом, в то время как остальные употребляются как в препозиции, так и в постпозиции или же только в постпозиции [Givón 1984: 214-216]. Постепенно в древнерусском языке и в этих сочетаниях распространялась постпозиция прямого дополнения, характерная для свободных сочетаний. Однако реликты старого распределения сохранились и по сей день: в современном русском языке порядок OV характеризует фразеологические сочетания типа figura etymologica (*огород городить, разговоры разговаривать, дело делать* ‘работать’) в отличие от свободных словосочетаний [Сигал 2006: 77, 80].

5. В разных языках мира порядок слов в **зависимых предикациях** иногда оказывается более строгим, нежели в независимых [Dryer 2011: § 1]. Видимо, тенденция к генерализации словопорядка в придаточных предложениях связана с тем, что в них актуальное членение действует слабее, чем в независимых предложениях. В древнерусских текстах словопорядок в независимых предикациях также более вариативен, чем в придаточных предложениях, где наблюдается тенденция к обобщению постпозиции прямого дополнения по отношению к глаголу. Наиболее ярко она выражена в письмах на бересте, где в независимых предикациях, напротив, прямое дополнение чаще предшествует глаголу, чем в других текстах, так что контраст между расположением прямого дополнения в независимых и зависимых предикациях особенно сильный. Книжные памятники демонстрируют разную степень генерализации постпозиции дополнения в зависимости от типа придаточного предложения.

6. Порядок слов, помимо прочего, участвует в обеспечении связности текста и в силу этого отчасти обусловлен его **референтной структурой**. Это выражается в выдвижении на первое место анафорических местоимений и наречий, отсылающих к непосредственно предшествующему тексту, а также аргументов глагола, имеющих в качестве определения анафорическое местоимение.

7. Порядку слов принадлежит заметная роль в **организации периода**: начальная предикация может противопоставляться в отношении

словопорядка следующим за ней неначальным предикациям. Такой способ организации периода постоянно используется в древнерусском нарративе. Особый (интродуктивный) порядок слов в начальной предикации характеризуется глаголом в препозиции.

8. Порядок слов связана с **жанровой принадлежности** текста. Связь эта опосредованная: порядок слов зависит от типа дискурса, а для определенного жанра характерен определенный набор типов дискурса. Яркой чертой гномического жанра и в древности, и сейчас является помещение сказуемого под отрицанием в конец фразы (*под лежачий камень вода не течет; гусь свинье не товарищ; снявши голову, по волосам не плачут* и т. п.). В целом постпозиция сказуемого под отрицанием характерна для древнерусских текстов, однако для разных жанров – в разной мере: в нарративе нередки фразы типа *вода не текла под лежачий камень*.

9. Порядок слов может выражать разного рода **смысловое выделение**. В древнерусских текстах часто располагаются в препозиции аргументы глагола со значением большого размера или количества, а также лексема *Бог*. В препозиции глаголу оказываются и аргументы, которым предшествует усилительное *и* в значении ‘даже’.

10. Еще один фактор, влияющий на словорасположение, – **длина цепочки зависимых слов**. Если от аргумента зависит придаточное предложение, причастный оборот или несогласованное определение, которое в свою очередь может иметь зависимые слова, оно помещается в постпозиции. Постпозиция «тяжелых» зависимых членов предложения вообще характерна для разных языков мира, независимо от того, какой порядок слов в них употребляется [Hawkins 1983: 102-103].

Литература

Живов В.М. История языка русской письменности / В.М.Живов. М., 2017. Т.1.

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики / А.А.Зализняк. М., 2008.

Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы / И.И.Ковтунова. М., 1969.

Макеева И.И. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в риторических произведениях Кирилла Туровского / И.И.Макеева // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С.87-104.

Пичхадзе А.А. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола – прямое объектное дополнение» в древнерусском языке / А.А.Пичхадзе, А.В.Родионова // Русский язык в научном освещении. 2008. № 21 (1). С.127-161.

Рогова К.А. Место прямого дополнения в простом повествовательном предложении / К.А.Рогова // Ученые записки Ленинградского гос. университета. № 302. Серия филологических наук. Вып. 61. Исследования по грамматике русского языка. III, Л., 1962.

Сигал К. Я. О лексикализации словосочетаний / К.Я.Сигал // *Сигал К. Я*. Синтаксические этюды. М., 2006. С. 73-80.

Dryer M.S. Order of Subject, Object and Verb / M.S.Dryer // Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Munich: Max Planck Digital Library, chapter 81 (Available online at http://wals.info/chapter/81).

Givón T. Syntax. A functional typological introduction. Vol. I / T. Givón. Amsterdam, 1984.

Hawkins J.A. Word Order Universals / J.A.Hawkins. New York – London etc., 1983.

Minlos Ph. Prenominal and postnominal position of adjective attributes in Old Russian / *Ph.Minlos* // Russian Linguistics. 2012. Vol. 36. P. 21-40.